

КЕНТАВРЫ, ЕДИНОРОГИ, ДРАКОНЫ И ДРУГИЕ МИФОЛОГИЧЕСКИЕ ПЕРСОНАЖИ**(о книге Л. С. Клейн. *Время кентавров. Степная прародина греков и ариев.* –****СПб: Евразия, 2010. – 496 с. Илл. цв. 32 с.)*****Я. А. Шер*****CENTAURS, UNICORNS, DRAGONS AND OTHER MYTHOLOGICAL CHARACTERS****(about the book L. S. Klein. *Time centaurs. Steppe homeland of the greeks and the aryaans.*****- ST. Petersburg, Eurasia, 2010. – PP.496.)*****Ya. A. Sher***

Главная тема книги отражена в подзаголовке: «Степная прародина греков и ариев». Это следует подчеркнуть, поскольку у не очень подготовленного читателя может возникнуть ожидание решения проблемы прародины индоевропейцев вообще. Слово «кентавры» играет символическую роль и является синонимом не всех индоевропейцев, а тех, которые уже в III – II тыс. до н. э. пришли в степь со своей, пока еще не вполне ясной, первичной прародины. В дальнейшем тексте мы будем различать прародину вообще всех индоевропейцев и степную прародину греков и ариев. Как в хорошем детективе, в книге Л. С. Клейна связь образа кентавра с греками и ариями проясняется только в последней главе.

Некоторые вопросы возникают сразу с титульного листа. Скромно представляя свой, почти 500-страничный труд как научно-популярную книгу, автор ставит читателей, и особенно рецензентов, в затруднительное положение. И читатель, особенно профессиональный, и тем более рецензент, знакомясь с новой книгой, вольно или подсознательно выбирают уровень, с которого ее нужно воспринимать.

Популярная книга должна быть занимательной, и это смягчает критерии ее оценки. Если же книга научная, то критерии должны быть более строгими и жесткими. Популярные книги обычно посвящены достаточно хорошо разработанным разделам науки. Думается, что проблема прародины индоевропейцев вообще, а также греков и ариев в частности, как, например, и проблема единой теории поля в физике, к таковым не относится.

Для выхода из неопределенности нужно оценить, чего в этой книге больше: строгой науки или популярного текста. Правда, есть еще один вид научной литературы, пока в большей мере свойственный нашим европейским и американским коллегам. Они давно приспособились к рыночным отношениям в книгоиздании и научились писать так, что и научный уровень достаточно высокий, и читать интересно, и полиграфически привлекательно, например, книги издательств Seuil, Gallimard (Париж), Thames & Hudson (Нью-Йорк, Лондон) и др. По видимому, книгу Клейна можно отнести к этому виду.

Полиграфически книга сделана весьма прилично: бумага, иллюстрации (цветные и черно-белые), шрифт – все в рамках хорошего тона. Она подробно структурирована: 12 глав, «Введение», «Заключение», библиография. Пересказывать ее подряд можно только для себя, чтобы лучше понять и глубже

вникнуть, но для печати это неприемлемо по причине резкого увеличения объема данной статьи.

Вокруг индоевропейской проблемы и одной из ее главных составляющих – локализации прародины индоевропейцев – накопилась более чем обширная историография. Сотни книг, тысячи статей и сайтов в Интернете, как высокопрофессиональных, так и дилетантских. Чтобы написать такую книгу, знание этой литературы необходимо, и то, что Л. С. Клейну удалось преодолеть такое препятствие, уже большое достижение. Что касается характера изложения, то он, конечно, прав, заканчивая «Введение» словами: «Тема может считаться ясной самому исследователю... когда он может внятно изложить ее образованному читателю, не подготовленному профессионально» (с. 10)¹. Можно считать, что это – один из критериев оценки книги. Вторым критерием является полнота и непротиворечивость изложения научной стороны проблемы.

Наука не существует без споров. Естественно, что о месте первоначальной индоевропейской прародины существуют разные мнения. Л. С. Клейн объединяет их в 5 гипотез: Гималайскую (F. Schlegel, A. Schleicher), Североевропейскую (G. Kosinna, M. Much и др.), Дунайскую (P. Bosh-Gimpera, И. М. Дьяконов) Восточноевропейскую (Степную – М. Gimbutas) и Малоазиатскую (Т. В. Гамкрелидзе, Вяч. Вс. Иванов). Я бы добавил сюда еще одну, шестую гипотезу (Сафронов, 1989), которая, не входя ни в одну из пяти, затрагивает четыре из них.

Локализация индоевропейской прародины – проблема не только историко-археологическая, но и историко-лингвистическая (чего больше – трудно сказать). Не вдаваясь в недоступный для меня разбор лингвистической аргументации, отмечу, что 5 гипотез (Гималайскую, как устаревшую, можно не считать) образуют две неравные группы. Североевропейская и Восточноевропейская (Степная) гипотезы построены на данных археологии.

Сторонники Североевропейской гипотезы связывают с древнейшими индоевропейцами археологические материалы эпохи неолита, в частности, культуру воронковидных кубков (КВК, IV – III тыс. до н. э.). Сначала к этой гипотезе примыкал В. Гордон Чайлд. После того, как она была скомпрометирована расистской политикой Гитлера, у нее осталось немного последователей. Более поздней культурой, ассоциирующейся с индоевропейцами, счи-

¹ В скобках без имени автора ссылки на страницы рецензируемой книги.

тается культура шнуrowой керамики (II тыс. до н. э., есть даты по ^{14}C).

Степная гипотеза разработана на материале ямной и более поздних культур эпохи бронзы не только археологами (М. Gimbutas, Н. Я. Мерперт, Е. Е. Кузьмина, R. Ghirshman и др.). Ее поддержали филологи и лингвисты (В. И. Абаев, А. И. Зайцев, М. Leroi и др.). Время – III – II тыс. до н. э., есть много дат по ^{14}C .

Если сторонники Северной и Степной гипотезы ведут речь о прародине и миграциях древних племен, обладавших определенными особенностями материальной культуры, то в двух остальных рассматриваются перемещения праязыков. Дунайская и Малоазиатская гипотезы основаны на языковом материале. Представляется, что наибольшим правдоподобием в данном случае обладает представление о двух способах миграции языков: 1) за счет массовой миграции его носителей; 2) за счет языка небольших групп, если он развит больше, чем местный язык (английский в Америке и Индии; французский в Африке; испанский и португальский в Южной Америке). Подробнее см.: (Зайцев, 1994, с. 48 – 50 и сл.).

Лингвисты Т. В. Гамкрелидзе и Вяч. Вс. Иванов строили свою гипотезу на основе древнейших индоевропейских письменных текстов. В них отражена географическая среда, ближе всего соответствующая природе Малой Азии. Археологи К. Ренфрю, Дж. Мэллори и П. М. Долуханов добавили, что вместе с распространением неолитических культур из Малой Азии в Европу проникали не только земледелие, скотоводство и материальная культура, но и все остальные достижения культуры, т. е. язык, мифология и другие виды духовной сферы.

Л. С. Клейн и его ученик В. А. Сафронов попытались на своем уровне совместить данные археологии и лингвистики. В результате Л. С. Клейн – сторонник Северной гипотезы, а В. А. Сафронов нашел, по крайней мере, три прародины. Древнейшая – Чатал-Хююк – (Малая Азия, VII – VI тыс. до н. э.), средняя – Винча (северные Балканы, V – IV тыс. до н. э.), поздняя – Лендельская и КВК (Прикарпатье – IV – III тыс. до н. э.).

Вполне правомерно, что в этой проблеме приоритетное значение придается языковым данным, поскольку «...любое решение, выходящее за пределы лингвистики, базируется на тех или иных косвенных допущениях, которые, в свою очередь, исходят из обычно (если не всегда) труднодоказуемых предпосылок» (Мэллори, 1997, с. 62). Соотношение археологических и лингвистических данных при этноисторической идентификации тех или иных культур – это особая проблема, тоже еще далекая от решения. Таким образом одна нерешенная проблема наслаивается на другую. В этой связи вспоминается забытая многими статья (Виноградов, 1969), в которой были убедительно показаны серьезные трудности отождествления археологических культур с носителями тех или иных праязыков.

В последние годы добавился еще один важный довод – результаты генетических исследований, которые тоже указывают на древний поток населения

Малой Азии и смежных стран, которые «...де, и принесли индоевропейский язык» (с. 27). Этот довод можно уточнить. Методы генетических исследований в палеоантропологии позволяют получить намного более подробную информацию, чем 15 – 20 лет назад, и продолжают совершенствоваться. Извлечение из ископаемых костей фрагментов ДНК и обнаружение в них соответствующих участков маркирующих те или иные особенности (цвет волос, цвет глаз, пигментация кожи и т. п.) способствуют более точной идентификации погребенных.² За последние годы появились новые, иногда сенсационные результаты, ставящие под сомнения, казалось бы, общепринятые данные (связь афанасьевцев с ямниками и др.) и проливающие новый свет на миграции культур энеолита и ранней бронзы по степи (Козинцев, 2000; 2007 – 2010; Keyzer, 2009 и др.)³

Книга Клейна многоплановая. Чтобы в ней разобраться, нужно, кроме общей археологии, хорошо знать археологию юга Восточной Европы и Малой Азии, сравнительно-историческую индоевропейистику и мифологию. Л. С. Клейн настолько свободно оперирует названиями многочисленных культур неолитической эпохи и бронзового века, что не только образованному в другой области читателю (учителю, врачу, инженеру и т. д.), но и профессионалу, работающему в иной тематике, бывает трудно. Например, «Фригийцы, ближе всего по языку стоявшие к грекам, были связаны с культурой многоваликовой керамики, которая сложилась на базе нерушайской культуры Молдавии и Румынии... Нерушайская же культура, сложившаяся на основе какой-то из культур этого региона (усатовской или культуры шнуrowой керамики, или культуры шаровидных амфор, или всех троих вместе), испытала сильное влияние ямной культуры, то ли общеарийской, то ли, скорее уже иранской» (с. 109 – 110). Чтобы понять суть этой фразы, нужно быть почти профессионалом в археологии Восточной Европы эпохи бронзы. Восприятие еще усложняется тем, что древние культуры локализуются в рамках современных политико-административных границ, которые никак не связаны с древними историко-географическими границами.

Но в этом нельзя упрекать Клейна, поскольку это – болезнь всей советской и российской археологии (не берусь судить о европейской). Правила номинации археологических культур не регламентированы. Каждому автору хочется быть открывателем хотя бы одной культуры, и поэтому их названия размножаются простым делением. Как станет ясно

² Благодарю А. Г. Козинцева за полезную для меня консультацию.

³ Мне кажется, что если рассматривать не только мужские черепа (Козинцев, 2009), а, например, в случае «окуневской» культуры, и женские, то можно будет выйти на новые факты. Те могилы, которые рассматривались как впускные в афанасьевских курганах, могут свидетельствовать об экзогамии в долине Енисея между пришельцами и местными жителями.

ближе к концу книги, автор сам тоже не избежал этого соблазна⁴.

Иногда одни и те же археологические культуры получают разные названия, а авторы спорят о приоритете, ссылаясь на даты подписания к печати своих работ, где эти культуры были названы впервые. В новом учебнике под ред. акад. В. Л. Янина приводится более 200 культур эпохи энеолита и бронзы.

Л. С. Клейн делает ряд отступлений в область лингвистики и естественнонаучных методов археологии (стратиграфии, датировки по ленточным глинам, по ¹⁴C, по дендрохронологии и т. п.). При этом сложные методы излагаются просто и ясно. Затем он переходит к проблеме древнейшего письменного языка Европы, каковым считает микенский греческий (с. 48), хотя есть более ранние клинописные хеттские тексты (XVIII до н. э., с. 88) и не менее древние, чем греческие, – лувийские и палайские тексты.

Л. С. Клейн обращается к анализу археологических, антропологических и лингвистических свидетельств, перебирая которые, он пытается выбрать наиболее вероятных пришельцев, носителей индоевропейских языков. Результаты сопоставления антропологических данных, сравнение материалов разных археологических культур с Микенами и морфологических особенностей древних языков интересны. В то же время многостраничное рассмотрение результатов этого анализа лишнее раз показывают, что книга на самом деле не так уж популярна. Тот, кого автор называет «образованным читателем», пробежит эти страницы «по диагонали» в поисках выводов. Но до них еще далеко.

Если хетты и лувийцы пришли в Грецию с севера, «не заходя в Малую Азию...», т. е. «как более чистые баденцы» (с. 94), то, следовательно, их прародину следует искать в местах первичной локализации баденской культуры, т. е. в Центральной Европе. Автор резюмирует предшествующее рассмотрение следующим наброском этногеографии юга Восточной Европы с археологической идентификацией: «... арии обитали в понтокаспийских степях, и им принадлежала ямная, а затем катакомбные культуры и срубная с андроновской, а фригийцы – в Венгрии и Румынии, им принадлежали культуры с лицевыми урнами и инкрустированной керамикой. Фракийцы, ближе всего по языку стоявшие к грекам, были связаны с культурой многоваликовой керамики, которая сложилась на базе нурушайской культуры Молдавии и Румынии. Таким образом, нурушайская культура имеет больше всего шансов оказаться культурой протогреков. Нурушайская или ее ближайшие ответвления в степях Сербии и Венгрии» (с. 109 – 110).

Далее идет «Гордиев узел» – историографический экскурс в лингвистические и мифологические аспекты сравнительно-исторической индоевропеистики. Л. С. Клейн возвращается к теме Троянской войны как к эпизоду героического эпоса (с. 159). Думается, что автор льстит своим читате-

лям, когда пишет, что фригийцы известны каждому образованному человеку (с. 126). Маститые ученые нередко этим грешат. Сначала молодой человек, посвятивший себя науке, хочет поделиться новыми знаниями с окружающими, считая, что они этого еще не знают, а с возрастом, обретя солидный научный потенциал, впадает в другую иллюзию, думая, что все, известное ему, известно всем остальным. Если взять сотню современных образованных людей (инженеров, врачей, программистов и т. п.), то хорошо, если двое-трое из них помнят, кто такой царь Мидас, а уж, кто такие были фригийцы вряд ли знает хотя бы один из них. И намного меньше знают, что такое нурушайская культура.

Но вернемся к «Гордиеву узлу». Конечно, в индоевропейской лингвистике я – полный дилетант. Если же в археологии вообще не совсем дилетант, то в археологии юга Восточной Европы и Малой Азии моих знаний недостаточно. Хотя был я в Трое, почти целый день ходил по ее руинам, внимательно изучал ее историческую стратиграфию по выставленным на городище стендам, составленным по раскопкам В. Дерпфельда и тех, кто копал Троию после него. Вероятно по недостатку знаний, мне осталось неясным в чем же суть «Гордиева узла», развязал ли его Клейн или разрубил, как должно быть по легенде. Это – к вопросу о популярном характере книги.

Глава заканчивается словами о том, что прародина греков и ариев находилась где-то между Индом и Дунаем на каком-то «более ограниченном ареале внутри этого огромного пространства. Но где именно? И с какой археологической культурой можно связать эту языковую общность? Очевидно, об этом можно будет сказать что-то более определенное только после прослеживания вглубь корней ариев – индоиранцев и иранцев» (с. 162). Иными словами, «узел» пока остается. Около 40 лет назад этот узел пытался развязать Р. М. Гиршман, основоположник научной археологии древнего Ирана (Ghirshman, 1977), и тогда его подход казался мне вполне продуктивным. Исходным пунктом индоиранских миграций, по Гиршману, тоже была степь между Доном и Волгой, и двигались они двумя путями – через Кавказ и Северный Прикаспий (Ghirshman, 1977, p. 23, fig. 5).

В тексте первых трех глав и в подзаголовках ключевое слово «прародина» встречается постоянно, свидетельствуя о том, что вопрос о прародине в разных аспектах обсуждается повсеместно, но в IV главе это уже заголовок всей главы «Прародина ариев». Дальше в подзаголовках оно уже не встречается, а в тексте встречается реже. Не логичнее ли было бы сделать IV главу последней и подвести в ней итоги? Но, что есть, то есть.

Если попытаться кратко охарактеризовать основную идею этой главы, то речь идет об археологических памятниках второй половины II тыс. до н. э. на территории степей Юга России, как прародины ариев. Но Л. С. Клейн делает еще отступление в сторону финно-угорских языков и мифологии, чтобы определить, с какой стороны от финно-угров находились индоарии и определяет эту сторону как

⁴Оказывается, что название нурушайской культуры придумал сам автор (с. 363)

долину Дона и нынешнюю Украину. Затем еще экскурс в сторону языка синдов и вообще в индоарийский субстрат на Северном Кавказе в ранней античности и в погребальную обрядность скифов (может быть, точнее – меотов? – Я. Ш.) с фрагментами индо-арийского обряда ашвамедха (с. 180 – 186).

Отождествление с индоариями носителей катакомбных культур эпохи бронзы, как одна из гипотез, имеет право на существование. Но привлечение в качестве дополнительных доводов в ее пользу элементов погребальной обрядности скифов представляется мне идеей более, чем спорной, поскольку в ее основе лежит одна из упоминавшихся Дж. Мэллори труднодоказуемых предпосылок. Сейчас уже почти никто не считает, что скифы произошли от причерноморских культур эпохи бронзы, в частности, – катакомбной и срубной.

После раскопок кургана Аржан I (М. П. Грязнов) стало ясно, что самые ранние скифские находки в Причерноморье (Келермес) лет на 200 – 300 позднее Аржана. Новые находки это подтвердили и позволили выстроить почти непрерывную цепочку из известных, но до этого разрозненных раннескифских памятников, которые указывали на движение не с запада на восток, а в обратном направлении (Аржан I, Аржан II, Туэкта, Чиликты, Тас-Мола, Тагискен, Уйгарак, Памирская, Гумарово и далее на запад). Уходили не все. Об этом свидетельствуют Пазырык, Укок, Берель и другие курганы, синхронные классическим скифским древностям Причерноморья (V – IV вв. до н. э.).

Это, конечно, не опровергает возможной идентификации катакомбных культур как индоариев. Они вполне могли участвовать в потоке миграций пастухов-скотоводов с запада на восток и могли внести свой вклад в формирование культур ранних кочевников степей, в том числе и протоскифов⁵, но все это было примерно на полторы тысячи лет раньше. И еще: если главным идентификационным признаком катакомбной культуры считать наличие катакомбы, то ее ареал нужно расширить почти на всю Среднюю Азию до западного Пакистана и Синьцзяна, чего не отрицает и автор (с. 190). Катакомбы и подбой не могут быть диагностическими признаками так же, как и размеры могилы. Они и сейчас являются элементом мусульманского погребального обряда. Территория степного Причерноморья гипотетически вполне могла быть частью прародины индоариев, но доказательств недостает, о чем сам автор и написал в конце главы.

Для комплексного подхода к проблеме прародины и миграций древних индоевропейцев следовало бы привлечь больше антропологических данных. Как уже отмечалось выше, за последние 10 – 15 лет они начинают играть все более важную роль. Например, они уже явно свидетельствуют против ближневосточной прародины в пользу восточноев-

⁵ Первые наброски гипотезы о происхождении скифо-сакских культур были опубликованы автором этих строк 30 лет назад. Теперь она подкрепляется еще и антропологическими материалами (Козинцев, 2010, с. 419 – 421).

ропейских катакомбной и полтавкинской культур (Козинцев, 2009, с. 125 – 136; 2010, с. 419 – 420), т. е. подтверждают предположения Л. С. Клейна и частично – Е. Е. Кузьминой.

Что касается скифов, то их культура действительно сложилась на основе культур эпохи бронзы, но не в Причерноморье, а в Центре Азии. В Причерноморье они пришли, как писал Геродот, «с Востока» около VIII – VII в. до н. э. Они принесли уже сформировавшийся звериный стиль, элементы которого были использованы греческими и ассирийскими торевтами.

После весьма самокритичного завершающего абзаца IV главы автор обращается к поиску предков ведических ариев, опираясь на этнонимы и ареалы, отразившиеся в Ригведе, Атхарваведе и в других древних текстах (гл. V). Из приводимых здесь доказательств катакомбы уже рассматривались. Захоронения коней? Да, но все же косвенное. Парные захоронения мужчин и женщин? Да, но они есть и в андроновских культурах (Тасты-Бутак и др.), которые Л. С. Клейн не считает прямыми предками индоариев (с. 172). Эти и другие факты, в том числе и сходные звучания имен божеств и этнонимов, все же не создают прочной доказательной базы, что чувствует и сам автор, завершая главу «золотыми» словами: закрывая белые пятна, наука открывает черные дыры (с. 222). В этом он, безусловно, прав.

Рассматривая следы ритуальной практики по археологическим материалам и сопоставляя их с древними священными текстами, автор считает, что «за этими многообразными и детальными сходствами стоит некое общее религиозное наследие ариев...» и что «... очень трудно определить, что появилось в результате смешивания, а что изначально общее и является свидетельством общего происхождения» (с. 235). Здесь было бы уместно привести пример с «Господином коней», божеством типа Potnia Theron (Hirpon), изображения которого известны в вазописи Угарита (XII в. до н. э.), а к VIII – VII в. до н. э. «добрались» до прибрежных скал Енисея (Шер, 1993) и сейчас существуют в росписях стен современных деревенских домов в Индии (Vidal, 2001, p. 114). Этот образ восходит к древнейшему женскому божеству из общеиндоевропейского мифа.

Автор то соглашается, то спорит с отнесением к протоиранцам андроновской культуры и с протоэроастрийской атрибуцией Гонура (Сарианиди, 1989, 152 – 169). Еще более серьезные сомнения о Гонуре были высказаны в комментариях к данной публикации ведущими иранистами (см. ВДИ, 1989, № 1).

Читая книгу Л. С. Клейна, лишней раз убеждаешься в высоком профессионализме автора не только в археологии, но и в смежных науках. Он свободно оперирует археологическими данными, очень подробно, вплоть до мелких деталей (количество дырочек на погребальных урнах). Столь же уверенно автор пользуется данными лингвистики, мифологии, этнографии и т. д.

С одной стороны, эта безграничная эрудиция вызывает восхищение, но, с другой, – при исследо-

вании такой обширной и общей проблемы, как происхождение и миграции греков и ариев, есть реальная возможность «утопить» ее в деталях, и каждая мысль может вызвать противоположную. Поэтому в тексте практически всех разделов трудно найти какое-то твердо обоснованное мнение по тому или иному факту. Многие исторические выводы строятся по схеме: «возможно это так, а возможно и иначе». Однако не всегда. Иногда не так уж твердо обоснованные предположения через 2 – 3 страницы превращаются в факты.

Например, вопрос о миграции фригийцев «как этноса» (с. 261 – 262). Как этнос они засвидетельствованы Геродотом, когда обитали на севере Балкан вместе с македонцами, т. е. спустя почти полторы тысячи лет после того, как они мигрировали в Малую Азию в конце II тыс. до н. э. Допустим, они двигались быстро (2 – 3 поколения). Но даже при такой невероятной скорости преодолеть более трех тысяч км (по прямой), не оставив на своем пути заметных следов своей миграции, но сохраниться как этнос, «не оставив прямых наследников» (с. 265) еще менее вероятно.

Говоря о каменных изваяниях ямной культуры, было бы вполне уместно упомянуть интересную гипотезу А. И. Зайцева, который предположил, что ямные изваяния, стоявшие в степи на курганах, олицетворяли собой одну из древнейших индоевропейских эпических формул «неувядаемая слава» (Зайцев, 1986, с. 96 – 107).

Не очень убедительно рассуждение о путях движения обычая высекать каменные изваяния-стелы: «... значит, не с востока на запад..., а скорее, наоборот, – с запада на восток» (с. 282). Здесь, скорее всего, кроется одно широко распространенное добросовестное заблуждение, присущее многим нашим коллегам. В нашей работе большое место занимают сравнительные методы. Мы всегда ищем аналогии чему-то и иногда забываем, что некоторые наши древности, особенно изображения, могут иметь сходство не потому, что они заимствовались у кого-то или переместились вместе с миграциями людей, а вполне конвергентно, в силу своей общечеловеческой природы. При сравнении образительных памятников не всегда учитываются некоторые общечеловеческие универсалии, которые есть не только в языке, где их изучают лингвисты, но и в других сферах культуры, и чаще – в изображениях. Грубо говоря, человеческие лица и фигуры на всех континентах морфологически одинаковы. По той же причине везде, от Северной Европы до Австралии, в наскальной живописи и графике встречаются одинаковые сексуальные сюжеты и изображения рожавших женщин, и нет никаких поводов думать о влияниях и/или заимствованиях. В таких случаях следует при сравнении опираться не на универсалии, а на иные, например стилистические, особенности: не ЧТО изображено, а КАК изображено. Если следовать этому принципу, то между восточно-европейскими (ямными) и западно-европейскими изваяниями не так уж много общего.

Завершает гл. VII фраза: «Заманчиво думать, что за великолепным расцветом классической эллинской и роскошной индийской скульптуры, обоготворившей человеческое тело, скрываются четыре тысячи лет эволюции, в начале которой – обитатели наших степей, очеловечившие богов» (с. 298). Даже для научно-популярного текста она звучит более чем романтично. Например, не менее заманчиво думать, что за образом Афродиты Милосской скрывается около 30 тыс. лет эволюции, в начале которой была «Дама в капюшоне» из Брасемпуи или статуэтки из Мальты. Красиво сказано, но не более.

Майкопский курган, его материалы и археологический контекст – тема отдельной главы (VIII, с. 300 – 320). Безусловно, это – выдающееся открытие, и Л. С. Клейн ярко описывает живой интерес европейских археологов к докладам Б. В. Фармаковского и М. И. Ростовцева о Майкопском кургане на конгрессе в Лондоне. До конца главы не очень ясно, какое отношение этот выдающийся памятник имеет к прародине греков и ариев, поскольку выводы, как и в других местах книги, то ли индоевропейцы, то ли – нет.

Примерно тоже можно сказать и о главе, посвященной игральным костям (IX), обнаруженным при раскопках могил катакомбной культуры. У автора уже были публикации на эту тему (Клейн, 1997 и др.). Очень интересный текст, очень детальный анализ знаков на костях и сравнение результатов с другими подобными находками «от Дуная до Инда». Но причем здесь главная тема книги? В начале книги Л. С. Клейн пишет, что он предположительно считает территорию катакомбной культуры прародиной ариев, а рассуждения в данной главе уже строятся на этой гипотезе как на доказанном факте. Это – не упрек Л. С. Клейну, а широко распространенная в нашей науке практика.

Двигаясь дальше «Тропой единорога» (гл. X), возвращаемся к поднятым в первых главах проблемам ямной культуры, в том числе к идеям М. Гимбутас о расселении древних индоевропейцев на Запад из наших степей, а также к более умеренным, но родственным идеям В. Н. Даниленко и Н. Я. Мерперта. Затем автор обращается к работе своего ученика В. Н. Дергачева и отмечает его ошибки в типологии зооморфных наворшений. В. Н. Дергачев то ли не знал, то ли не учел закон редукции в развитии изображений. Не от простого к сложному, а от реалистического к упрощенной схеме. И снова всплывает проблема прародины.

Получилось так, что в предыдущих главах эта проблема (казалось бы, главная) отошла на задний план, а теперь неожиданно вернулась. Не логичней ли было бы рассмотреть ее вкуче с первыми главами о культурах ранней и средней бронзы, не повторяя снова, какие из них индоарии, а какие индоиранцы, и повторяя ошибку, связанную с происхождением скифов, уже отмеченную выше.

Причем это ошибка не Клейна, а тех, к кому он когда-то примкнул. Первой ошиблась Н. Л. Членова, связав происхождение скифского звериного стиля с оленными бляшками типа Керкук и с легендарными

походами на Ближний Восток, которые теперь вообще ставятся под сомнение (Грантовский, 1998, 147 – 180). Это позволяло избежать противоречия в выведении скифов из культур эпохи бронзы степного Причерноморья, в материалах которых нет вообще никаких изображений, тем более, похожих на звериный стиль. Затем находки из Зивие, казалось, подкрепили эту идею, и к ней присоединились М. И. Артамонов, Б. Б. Пиотровский, Д. С. Раевский, М. Н. Погребова и почти все скифологи. Суть ошибки была рассмотрена выше и нет смысла вдаваться в подробности.

Однако основное содержание «Тропы единорога» – объяснение зооморфных предметов, которые Л. С. Клейн сначала называет «скипетрами», а потом приходит к выводу о том, что они использовались не как символы власти, а как «хирургические» инструменты для женских инициаций. Из всех выводов автора данный представляется наименее обоснованным и достаточно далеким от проблемы прародины. В эпоху ранних индоевропейцев Единорог имел облик быка с рогом. Только спустя тысячи лет, ближе к появлению христианства, он превратился в коня. Зооморфные «скипетры» довольно трудно без натяжек сопоставить с обликом какого-либо определенного животного. На голову лошади они похожи меньше всего.

Интерпретация подобных «жезлов» как инструментов инициаций вполне вероятна, но тогда к этой категории больше подходят предметы мелкой пластики из приуральских и более восточных культур эпохи бронзы, в частности, круга, сейминско-турбинских древностей (см., например, Шер, 2006, с. 74 – 76).

За единорогом следует «Дракон в узде» (гл. X), где дается краткий аналитический обзор энеолитических стел из Минусинской котловины с оценкой их интерпретаций разными исследователями. Л. С. Клейну больше импонирует идея С. В. Киселева о китайском влиянии. Он тоже увидел в минусинских личинах на стелах и в наскальных рисунках морду китайского дракона. Рассматривая идеи С. В. Киселева, следует учитывать, что Сергей Владимирович был очень чуток к политической конъюнктуре, а тогда были «русский с китайцем – братья навек». Его идея о Тао-Те не нашла продолжения.

Л. С. Клейн не заметил, или не счел существенной, одну важную, с моей точки зрения, особенность большой группы минусинских изваяний. На тех из них, где личина (маска или то, что автор называет мордой дракона) находится в средней части стелы, четко прослеживается одна и та же, почти стандартная трехчастная композиция: в верхней части голова человека или копытного животного, в середине – личина, а внизу, вниз головой, иногда в билатеральной проекции, хищник с оскаленной пастью. Тот же самый хищник, изображение которого выбито на песчаниковой плите из Черновой, выставленной на экспозиции в Эрмитаже. Образ данного мифологического персонажа в зооморфной и антропоморфной ипостаси, т. е. как инвариантная эпическая формула, часто встречается не только на

изваяниях, но и в наскальных изображениях в Саянах и в Минусинской котловине. Это изобразительная формула, аналогичная фразам-формулам, характерным для эпического или фольклорного словесного текста (подробнее см.: Шер, 1997).

Стелы с трехчастной структурой изображений наглядно демонстрируют модель индоевропейского космогонического мифа, являются символом Мирового Древа, в нижней части которого обитают хтонические существа (хищник). В петроглифах Минусинской котловины встречаются и другие индоевропейские изобразительные мифологемы: кони у Мирового Древа (ашвамедха), упоминавшийся выше «Господин коней», повозки и колесницы, пара женщина – бык и др. Эти изображения, как мне кажется, маркируют восточную границу распространения прототохар в Южной Сибири.

Далее Л. С. Клейн приводит антропологические данные о появлении европеоидов, носителей афансьевской и андроновской культуры. В связи с новыми возможностями использования генетических методов, антропологические материалы становятся в последние годы особенно важными фактами, меняющими некоторые устоявшиеся представления о предках и потомках в культурах эпохи бронзы Восточной Европы и Южной Сибири (Козинцев, 2007; 2009; 2010 и др.).

Последующие рассуждения автора о «добрых глазах дракона», о Шиве и Прото-Шиве интересны и, вероятно, уместны в популярной книге, но все же недостаточно близки к главной идее о прародине и передвижениях древних индоевропейцев в эпоху бронзы.

В заключительной главе (XII «Кентавры повсюду») Л. С. Клейн возвращается к персонажу, имя которого стоит в заголовке книги. Большая часть главы содержит пересказ мифов о кентаврах и их «родственниках» – сатирах, Пане, силенах, о Минотавре, Геракле и т. д. Автор сближает кентавров античности с гандхарвами древнеиндийского эпоса, ведических гимнов и заговоров, а также Авесты. К такому сближению склоняются и другие исследователи. Перебирая разные варианты фольклорных и эпических сюжетов у очень широкого круга древних и современных народов от Фракии до Индии, Л. С. Клейн показывает, что в разных видоизмененных обликах ряда мифических монстров скрываются кентавры или подобные им существа, которые относятся к большому пласту древней индоевропейской мифологии. Что касается «родства двух выдающихся культур – греческой и индийской – и их древнейшей генетической связи с территорией нашей страны» (с. 460), то здесь почти все верно, кроме того, что индийская культура все же сохранила многое от доарийского времени, т. е. от хараппской цивилизации.

Завершая эту рецензию, хотелось бы дать общую оценку книги. Можно ли сказать, что проблема прародины греков и ариев решена в этой книге? Нет, нельзя. Можно ли сказать, что сделан серьезный и крупный шаг к ее решению? Несомненно. Автор прекрасно понимает стоящие перед ним трудно-

сти и не претендует на какую-то бесспорную истину. Об этом свидетельствуют многие пассажи книги, но особенно четко – две коротких цитаты. «Материала мало, связь тонка и очень растянута во времени и пространстве» (с. 419). «Всё это нуждается в дальнейших исследованиях» (с. 459).

Читать книгу интересно, хотя местами и нелегко. Масштаб и глубина проблематики вряд ли имеет аналогии в нашей и зарубежной археологической литературе. Спорных вопросов достаточно. Автор сам вольно или невольно их провоцирует. Он так много знает, что груз этих знаний, как уже отмечалось, его подавляет, и он нередко не может принять решения по поводу той или иной гипотезы («может быть так, а может быть и иначе»). Но это не умаляет научных качеств книги. Настоящая наука не может развиваться без спорных вопросов и дискуссий. В итоге, думаю, что вполне можно поздравить Льва Самойловича с очередным, будем надеяться, не последним, успехом.

Литература

1. Виноградов, В. А. О реконструкции протоязыковых состояний / В. А. Виноградов // Система и уровни языка. – М.: Наука, 1969. – С. 4 – 42.
2. Грантовский, Э. А. Иран и иранцы до Ахеменидов / Э. А. Грантовский. – М.: Наука, 1998. – 343 с.
3. Зайцев, А. И. Праиндоевропейские истоки древнегреческого эпоса / А. И. Зайцев // Проблемы античного источниковедения. – М.; Л., 1986. – С. 96 – 107.
4. Клейн, Л. С. Археологические признаки миграции (IX Международный конгресс антропологических и этнографических наук, Чикаго, 1973. Доклады советской делегации) / Л. С. Клейн. – М.: Наука, 1973.
5. Клейн, Л. С. Происхождение нуля или древнейшая эволюция игры в кости между Дунаем и Индом / Л. С. Клейн // *Stratum plus: структуры и катастрофы*. – 1997. – № 1. – С. 52 – 71.
6. Клейн, Л. С. Миграции: археологические признаки / Л. С. Клейн // *Stratum plus*. – 1999. – № 1. – С. 52 – 71.
7. Козинцев, А. Г. Скифы Северного Причерноморья: межгрупповые различия, внешние связи, происхождение / А. Г. Козинцев // *АЭАЕ*. – 2007. – № 4. – С. 143 – 157.
8. Козинцев, А. Г. О так называемых средиземноморцах Южной Сибири / А. Г. Козинцев // *Древние и средневековые кочевники Центральной Азии*. – Барнаул: Азбука, 2008. – С. 205 – 208.
9. Козинцев, А. Г. О ранних миграциях европеоидов в Сибирь и Центральную Азию (в связи с индоевропейской проблемой) / А. Г. Козинцев // *АЭАЕ*. – 2009. – № 4. – С. 125 – 136.
10. Козинцев, А. Г. Ранние индоевропейцы Сибири и Центральной Азии по данным антропологии / А. Г. Козинцев // *Культура как система в историческом контексте: опыт Западно-Сибирских археолого-этнографических совещаний*. – Томск: Аграф-Пресс, 2010. – С. 419 – 421.
11. Сарияниди, В. И. Протозороастрийский храм в Маргиане и проблема возникновения зороастризма / В. И. Сарияниди // *ВДИ*, 1989. – № 1. – С. 152 – 169.
12. Сафронов, В. А. Индоевропейские прародины / В. А. Сафронов. – Горький: Волго-Вятское книж. изд., 1989. – 402 с.
13. Шер, Я. А. Петроглифы Средней и Центральной Азии / Я. А. Шер. – М.: Наука, 1980. – 328 с.
14. Шер, Я. А. «Господин коней» на берегу Енисея / Я. А. Шер // *Петербургский археологический вестник*. – № 6. – СПб.: Фарн, 1993. – С. 17 – 22.
15. Шер, Я. А. Петроглифы – древнейший изобразительный фольклор / Я. А. Шер // *Наскальное искусство Азии*. – Вып. 2. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 1997. – С. 28 – 35.
16. Шер, Я. А. Первобытное искусство / Я. А. Шер. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2006. – 350 с.
17. Ghirshman, R. L'Iran et la migration des indo-aryens et des iraniens / R. Ghirshman. – Leiden, 1977. – 88 p.
18. Vidal, P. L'Art rupestre in peril / P. Vidal. – Périgueux: Pilot édition, 2001. – 127 p.